

Евгений
Касьяненко

ОСОБАЯ ЗОНА

Евгений Касьяненко

Особая зона

«Книжкин Дом»

2015

Касьяненко Е.

Особая зона / Е. Касьяненко — «Книжкин Дом», 2015

На речном острове построен технополис. Его работники решили организовать свою жизнь в поселке совершенно по-новому. Это третья повесть ростовского автора Евгения Касьяненко, опубликованная в Литресе.

© Касьяненко Е., 2015

© Книжкин Дом, 2015

Содержание

1	5
2	10
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Евгений Касьяненко

Особая зона

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им.

Томмазо Кампанелла «Город Солнца»

1

Первый этап моего путешествия благополучно заканчивался. После очередной излучины, показался ровный и спокойный участок реки длиной не менее километра. Я бросил весла, позволив лодке самостоятельно плыть по течению, и вытащил из куртки свой смартфон. Непосредственно как телефон, он был весьма непрактичной вещью, занимая весь внутренний карман. В городе я им не пользовался. Но большой шестидюймовый экран позволял смартфону быть и читалкой, и компьютером, и навигатором в походных условиях.

Где-то здесь меня должны ждать. Я включил навигатор, проверяя на всякий случай координаты. Все совпало. И, однако...

К моему удивлению, в оговоренной заранее точке встречи стоял большой катер. «Адмиральский», как принято называть подобные быстроходные посудины. С крутыми обводами, позволяющими ходить ему и по морю в непогоду, с мощным двигателем и стальным корпусом, но все палубные надстройки и сама палуба изящно отделаны лакированной деревянной рейкой. На таких катерах обычно разъезжает высокое портовое начальство.

«Вот сукин сын! – возмутился я коварством своего давнишнего приятеля. – Обещал, что мы проведем вдвоём на реке неделю на большой рыбалке, а, кажется, замыслил рядовую пьянку. Ох, уж эти москвичи! Ну и что с того, если эти местные тузы с катера завалят нас рыбой из какого-нибудь соседнего кооператива? Разве мы за рыбой сюда собирались? Собирались отдохнуть в тишине, полюбоваться на вечернее золото реки, вспомнить старые времена, сидя у костра. А, выходит, обычная пьянка в шумной кампании? Ну, я ему покажу!»

Я резко развернул лодку, табаня обоими веслами, и воткнулся в песчаный берег, рядом с катером.

– Николай! – крикнул я. – Выходи! Выходи, подлый трус!

Единственный человек на палубе катера, стоящий с удочкой на корме, махнул мне рукой.

– Вы – Смирнов? – громко спросил он. Заходящее солнце находилось за его спиной, так что лица говорящего я сразу не разглядел.

– Смирнов. Но какого чер... – ругательство вдруг застряло у меня в горле.

О, господи... Это было невероятно... По трапу, упирающемуся в берег, я быстро поднялся на палубу.

Человек жестом поманил меня к себе, улыбаясь, протянул руку, но, естественно, не стал представляться.

Потом снова озабоченно посмотрел на поплавок и по-заговорщицки поднес указательный палец ко рту, мол, тише. Рыба несколько раз попыталась утащить поплавок на дно, но

безуспешно. И лишь когда ей это удалось, он взмахнул удочкой и ловко вытащил из реки подлещика с ладонь величиной.

– Ну, слава Богу, почин мы сделали. Теперь можно и поговорить. Только не удивляйтесь. Это я вас сюда вытащил, уж извините великодушно за маленький розыгрыш. Но, наверное, прогуляться по летней реке десяток километров вниз по течению вам было только в охотку. Погода хорошая.

– Хорошая. А Николай где? – чувствуя себя полным идиотом, спросил я.

О чем я говорю?! Сдался мне этот Николай, когда беседуешь – вот так, накоротке – с... президентом!

– Николай? – засмеялся он с хорошо знакомыми интонациями в голосе. – Наверное, дома сидит, пьёт пиво у телевизора. Сегодня ответственный матч с итальянцами. Может быть, и нам стоит одним глазком взглянуть в каюте – каков счёт?

Точно, театр абсурда.

Но тут же мой фантастический визави опять замер, прошептав:

– Похоже, вечерняя зорька уже началась, снова клюет. Знаете что? Сходите, будьте добры, в каюту, пусть ребята вынесут телик на палубу. Только сделают звук потише, и сами не шумят, а то всю рыбу распугают.

Возвращаясь из роскошной каюты на палубу с двумя молодыми людьми и портативным телевизором, я украдкой прошептал:

– Слышь, мужики, а это не двойник?

– Не, самый настоящий, – осклабился один, – а вы у него паспорт попросите показать или удостоверение президента.

Я понял, что он так шутит.

Счет в матче, несмотря на то, что игра шла лишь полчаса, был уже разгромный для нас – 0:2. Президент что-то хмыкнул про себя и ловил рыбу ещё минут пять. Потом, с видимой досадой отдал удочку одному из свиты.

– Пойдёмте на нос, надо переговорить, через час темнеть начнёт, а вам ещё надо километра три вглубь острова пройти. Вы знаете, что там находится? – он махнул рукой в сторону берега.

Я пожал плечами:

– Военный объект.

– А какой?

– Ну, это же секрет Полишинеля, – улыбнулся я. – В этих краях еще десятилетия назад приходилось рыбачить. И в советское время все рыбаки доподлинно знали, что в глубине острова есть станция слежения за спутниками, а чтобы как-то замаскировать объект и ограничить свободный доступ к нему, на острове устроили охотничье хозяйство для военных. Однако егеря разрешают рыбачить и ставить на берегу палатки всем желающим, лишь бы в лес далеко не углублялись. – Я снова ухмыльнулся. – Только что здесь делать президенту? Таких объектов по стране десятки, а, может быть, и сотни. Просто порыбачить и поохотиться приехали, товарищ президент?

– Нет. Хотел увидеть объект своими глазами. Увидел. Останусь здесь на берегу порыбачить до утра. Только на острове совсем не то, о чем вы слышали. С недавнего времени не то. Хотя и станция слежения по-прежнему существует. Рядом. Но и объект совсем другого рода.

– Какой же?

– Скоро сами увидите. Об особых экономических зонах слышали?

– Слышал. Но... Это же остров, небольшой остров. Вернее, большой остров для реки, но крохотный для страны. Остров между двумя рукавами реки. Километров десять квадратных.

– Пятнадцать квадратных километров, – уточнил президент.

– Все равно, смешно для экономической зоны. Для России смешно.

– Не скажите, вольны у нас разбрасываться квадратными километрами. Где вы познакомились с Николаем? – неожиданно изменил тему президент.

От этого, вроде бы простого вопроса президента я полностью растерялся. Что ему ответить? Мол, я знаю, где фактически работал в те годы Николай, но нас связывала чисто личная дружба? Что в никакой «разработке» органов я никогда не был, то есть не был ни осведомителем, ни тайным носителем их кэгэбэшных погон? Но, наверное, и сам президент прекрасно об этом осведомлен.

Я усмехнулся:

– Зачем вы спрашиваете? Наверняка сами все знаете, если... если я имею честь пребывать на борту президентского катера.

– Знаю, но хотел бы услышать ответ от вас.

– О том, как познакомились журналист и чекист? Так ведь тут в двух словах не расскажешь. Сразу потянутся и другие вопросы: как я поступил в ВПШ, как стал работать в облисполкоме? Сегодня иного «правдолюбца» послушаешь – словно он сам с Луны свалился в 1991 году, а вокруг него в стране жили одни негодяи. Только в партии 20 миллионов негодяев, а сам он героически выживал среди них, правда, тоже с партийным билетом в кармане.

Президент засмеялся:

– А вы и об этом расскажите. Минут десять у нас есть.

– Все очень банально. К тому времени я уже четыре года был редактором районной газеты и стал томиться этой работой. Новый район, работу я наладил, газета на хорошем счёту в области, но... Во-первых, сам я горожанин, житель большого города по менталитету, во-вторых, какой может быть творческий рост у редактора «районки»? В своём-то деле я главный в районе, дальше расти некуда. Стал просить первого секретаря райкома партии, чтобы он меня отпустил из района, а тот ни в какую. Смеётся, говорит: партбилет на стол, и катись на все четыре стороны. Стал снова настаивать, а он меня выводит из райкома на улицу, туда, где дома для главных специалистов строятся, и говорит: вот этот коттедж строится для меня, первого секретаря, этот для председателя райисполкома, этот для начальника управления сельского хозяйства. (Все они тогда ещё жили на съёмных квартирах, район-то новый). Говорит: какой тебе дом больше понравится, тот и занимай. Хочешь мой, хочешь предрика. Будешь жить припеваючи, но из района не отпущу, нечего тебе в городе делать. Может быть, он и прав был в чем-то...

– И вы поняли, что единственный способ улизнуть из района – поступить на учёбу в высшую партийную школу?

– Ну да. По направлению обкома партии. Тут уж и первый секретарь райкома бессилён возражать. Как говорится, против лома нет приёма, акромья другого лома.

– Дальше.

– А дальше все повторяется. Окончил ВПШ, по их номенклатурным раскладам надо вновь становиться редактором районной или городской газеты. И тут предложили работу в облисполкоме, инструктором. Тоже ведь их номенклатура. Я и согласился. Понимаю, что это не лучшим образом меня характеризует в глазах президента, но такова жизнь.

– Все мы через это прошли, – махнул рукой президент. – И дальше? Познакомились в исполкоме с Николаем, так?

– Мы работали там на схожих должностях. Только я действительно в облисполкоме, а он у нас только формально числился: помощником председателя по международным связям. А в действительности...

– ...работал в Комитете.

– Да, в КГБ.

– Мы познакомились на почве общей любви к поэзии. Он мне книжки редкие доставал: Гумилев, Ахматова, Мандельштам. Тогда уже перестройка шла, но эти книги все равно достать было трудно. У него связи были круче моих. А потом я ушёл работать в областную газету.

– Выходит, я его знаю значительно раньше вашего знакомства. – Сказал президент. – Мы вместе с ним учились в школе государственной безопасности. И сегодня он работает у меня, в администрации. Он ваш хороший друг?

– Скорее, хороший приятель. С друзьями так не бывает, что десять лет не виделись. Но человек интересный, думающий. С таким в охотку можно провести неделю-другую на рыбалке. И надежный, как вся ваша братия. Извините, как-то неловко сказал.

– Ну, почему же, вполне лестно для спецслужб. Он вас тоже очень хорошо характеризует.

– Все понятно. Непонятно только одно – зачем я-то вам здесь понадобился? Рыбак из меня посредственный. И вообще, мало интересен для вас. Старый, в кадровый резерв не гожусь.

Президент рассмеялся:

– Для разового поручения вполне подходите. Начинаю загибать пальцы. Окончили университет и партшколу, это раз. Имеете опыт хозяйственной работы, это два. Хороший журналист и литератор вдобавок, это три. Не зашорены и не амбициозны, одно время руководили областной организацией КПРФ, но сами ушли и с партийных должностей и из партии.

Я возмутился:

– Извините, товарищ президент, но отношения с компартией – это мое личное дело. Я по-прежнему считаю себя коммунистом, хотя... Хотя для вас это, наверное, звучит смешно. Анахронизм, так сказать.

На этот раз президент не рассмеялся, напротив, он выглядел сумрачным.

– Вы забыли. Забыли, что мы оба когда-то состояли в одной партии. В КПСС. Если бы я был ярым антикоммунистом, то давно бы запретил партию Зюганова. Поверьте, нашёл бы легальные способы.

– Да кому она сегодня опасна? – хмыкнул я. – Партия парламентских соглашателей. Дедушек и бабушек, которые ностальгируют о времени СССР.

– Тем не менее, у КПРФ сегодня есть серьезная ниша в нашем обществе.

– Вот именно, ниша.

Президент минуту молчал. Потом сказал:

– Ладно, идите, а то стемнеет и придётся добираться в темноте. Единственное дело, о котором я вас прошу – вы должны составить мне подробную докладную записку обо всем увиденном на острове. Доклады вы писать умеете, но и эмоции не возбраняются. Записка должна быть в единственном числе, лично мне. Передадите через Николая. Его телефон у вас есть. Об ответственности за разглашение государственной тайны я не стану говорить. Пусть не будет формальностей. Вы, наверное, в своей жизни много раз давали подписки. И как офицер запаса, и как советский работник. Будем считать, что они в силе.

– А как быть с фофаном?

– Фофаном? Это вы о фанерной лодке, на которой приплыли? – удивился президент. – Согласно нашему с Николаем хитрому плану, вы её должны были купить в станице, откуда начали путешествие по реке. Не арендовать, а купить. Купили?

– Купил.

– Тогда мы возьмём её на борт катера. Пригодится. Деньги вам потом вернет Николай. Да, – он спохватился – забыл: там, на острове, вас будут кормить бесплатно, но на обратный проезд с острова домой у вас-то денег хватит, или мне вам подкинуть?

– Хватит, – ухмыльнулся я. – Вашими заботами, товарищ президент, не бедствуем. А вы мне так ничего и не скажете об особой зоне?

– Нет, ничего не скажу, чтобы не сложилось предубеждение. Сами увидите.

Он молча наблюдал с борта катера, как я укладываю в лодке вещи в свой рюкзак. Но напоследок все же задал вопрос, сильно меня удививший:

– Вы что-нибудь слышали об израильских кибуцах?

– Слышал. Кажется, теперь их осталось совсем немного и они вырождаются в обычные капиталистические предприятия. А что вас интересует?

– Ничего. Счастливого пути и творческих успехов в составлении докладной записки. Скажите Варваре Петровне, что это я вас послал, и передайте ей спасибо за пирожки. Её найти легко. Как придете в поселок – первый дом слева.

2

Я бодро зашагал в посёлок. Через двести метров поле закончилось, и я попал в великолепный сосновый бор. Таких естественных хвойных лесов в наших степных краях не бывает, значит, бор насадили искусственно. Но уже очень давно – полвека назад, а то и больше, судя по высоте деревьев. На первой же встреченной мною сосне был прикреплен щит: «Запретная зона. Проход запрещён. Объект министерства обороны». Выше висел большой, круглый и жёлтый знак радиоактивности, который, как известно, действует на наших сограждан лучше, чем письменные запреты.

Но никакой будки по соседству со стражей я не заметил, поэтому пошел по лесной тропе дальше, продолжая в душе возмущаться коварством своего давнего приятеля и сослуживца по исполкому.

Верно в народе говорят – в «конторе» все работают до гробовой доски. Там пенсионеров не бывает. Как же ловко Николай меня провел! Когда три недели назад раздался звонок, и я понял, что это мой давний приятель, то действительно обрадовался, так как не виделся с ним уже лет десять. Мне всегда нравилось общение с мужиками из «конторы» – эдакая смесь изысканной вежливости, знаний и незримой силы. К тому же, с Николаем у нас были общие литературные пристрастия. И ещё – видимо, моё добродушное отношение к КГБ возникло в силу того, что мне никогда не доводилось попадать под его молохи, кроме одного-единственного случая. Это произошло еще в студенческие годы. Тогда, на первом курсе университета, мы пошли на творческий вечер двух диссидентствующих московских литераторов, а после направились к ним в гостиницу, в гости. Этот визит закончился тем, что нас, пятерых студентов, на другой день пригласили в КГБ и там, долго и очень вежливо объясняли, что поведение литераторов, безусловно очень талантливых людей, вызвано их проблемами сугубо личного характера. И мы... охотно в это поверили. Страшновато было не поверить...

Но теперь-то какой был прок в этой дурацкой маскировке: спрятать под поездку на рыбалку поручение президента написать банальную докладную записку, которых я действительно написал в своей жизни десятки. Я и так бы сделал все, что ему нужно. Дело не в отношении к нему, как к человеку, а в его должности. Президент же, а не управдом. И, честно говоря, очень лестно, что президенту подсказали фамилию всеми забытого пенсионера. Однако, что там, на острове, может быть такого сверх неординарного? Контакт с инопланетянами? Но я-то, со своими знаниями, чем могу в этом быть полезен?

Неожиданно я встал, как вкопанный, на лесной дорожке. Метрах в двадцати справа от меня стрелой пронеслось семейство косуль. Однако остановился я вовсе не из-за этих грациозных животных. И стал думать.

Что меня удивило или насторожило в поведении президента? Почему он мне показался не таким, каким я его привык видеть на экране телевизора? В чем было это отличие? Почему его выбор «эксперта особой зоны» вдруг фантастическим образом выпал на меня? С чем связана его осведомленность о моём давно забытом опыте руководства областной организацией коммунистов? И, наконец, причём здесь богом забытые израильские кибуцы?

Я начал вспоминать, каким образом попал на остров. Предложение Николая организовать совместно большую рыбалку я воспринял «на ура», но поездка пару раз переносилась им самим под разными предлогами. Как теперь стало понятно, «окно» для поездки выбирал не он, а президент. И только вчера было уговорено, что мы встретимся на следующий день прямо на реке. Я должен был взять билет на утренний теплоход, в полдень добраться до станицы, купить у рыбаков лодку и сплавиться на ней по реке на десять километров вниз по течению. Лодка, по замыслу Николая, нужна была для того, чтобы рыбалка получилась полноценной. Не с берега ловить мелочь на большой русской реке, а «китов» возле фарватера. Кроме того, на ней же мы

были должны после окончания рыбалки спуститься вниз по реке до следующей пристани и там продать ее за полцены или просто подарить какому-то рыбаку. Самого же Николая доставят на место рыбалки знакомые рыбаки на моторке.

Столь мудреный план вызвал у меня возражения, но Николай категорически сказал, что нужно поступать именно так, а не иначе. Мол, у меня, пенсионера, свободного времени куры не клюют, а он на ответственной работе и с трудом выщарапал у начальства недельный отпуск. Не исключено, что сам он может задержаться. Но я должен быть на месте вовремя в любом случае. Обязательно. И стоимость лодки он мне вернет. Я догадывался, что Николай вращается в каких-то высших сферах государства, поэтому, вздохнув, пообещал, что выполню его план в точности.

...В голове роились мысли. Я ускорил шаг. А потом снова остановился. Вот, наверное, в чем дело! Очевидно, президент сам не знает, как относиться к тому, что он увидел на острове. (А он, судя по всему, провёл там весь сегодняшний день). Поэтому всячески избегает каких-либо оценок и боится огласки этой поездки. Поэтому и выбрал человека, который вне системы, но который может достаточно компетентно разобраться с тем, что он сам увидел, согласиться или опровергнуть его оценки, о которых я не знаю. Поэтому и был придуман замысловатый план с лодкой, чтобы никто не мог заподозрить связь между ним и его «экспертом». Ведь с катера меня, по сути, почти мгновенно выставили. Даже перекусить не предложили.

Пришла в голову фантастическая мысль: а, может быть, меня потом по-тихому «уберут» после этой загадочной поездки и написания отчёта президенту? Ну, утонул на рыбалке одинокий пенсионер, только и всего. Кто догадается, что ему помогли утонуть? Но такая мысль слишком уж отдавала дешевым романом. Я был противником любых конспирологических теорий и в жизни всегда руководствовался принципом «бритвы Оккама»: не нужно умножать сущности сверх необходимого.

Хочется надеяться, что президент у нас именно тот человек, за кого себя выдаёт. Может позволить себе солёную шутку, а может и спонтанно поцеловать в голый пупок мальчика в татарском селе.

Что там, на острове, находится, чёрт побери?! Израильский кибуц? Однако это просто смешно! Скорее можно поверить в инопланетян.

3

Но знакомство с островом началось совсем не так, как я ожидал. Лесная тропа вдруг превратилась в асфальтовую дорожку, ведущую к двухэтажному дому, стоящему за высоким забором. Дом находился слева от дороги, как и предупреждал президент, метрах в пятидесяти от других домов, видневшихся впереди. Я подошёл к нему, увидел на воротах табличку «Дом приезжих» и нажал кнопку рядом. Щелкнул автоматический замок, и я толкнул входную дверь в воротах. Внутри дом ничем не отличался от обычной сельской гостиницы. Разве что его хозяйка, кивнувшая мне на стул рядом с конторкой, не вязала носки – обычное занятие для подобных дам, а орудовала шваброй, моя пол в холле. «Видимо, она тут одна во всех лицах – и директор, и кастелянша, и уборщица» – решил я.

– Вы – Варвара Петровна?

– Да, милый, подожди пару минут, полы домою.

– Один человек вам велел спасибо передать за пирожки.

Она зарделась от удовольствия, но не показала вида, что общение с президентом для неё событие.

– Вот чудак человек, пирожки взял, а от борща отказался. Мой борщ, а не из столовой. Все на лету. А я бы ему и рюмку налила, из конфискованного.

– Как это «из конфискованного»?

– Ну, у командированных офицеров, что здесь временно живут, отнятого. Мне командир части велел их запасы спиртного уполовинить. А то стыдно бывает перед людьми, когда командированные по поселку выпивши шатаются, к девушкам пристают.

Это была уже какая-никакая информация. Я осторожно спросил:

– А что – в посёлке сухой закон?

– Ну почему же «сухой»? У нас и виноградник свой есть, несколько марок вина сами делаем. На ужин всяк желающий может себе бокал вина налить, а в выходной день и два. С алкашами, правда, боремся смертельно. Два общественных порицания и все, «жёлтый билет» обеспечен, собирай вещички.

– Выгонят? А у вас здесь что, Варвара Петровна – кибуц, что ли?

Она вспыхнула:

– Ты, мил человек, при мне не матерись. Ты не гляди, что я тут со шваброй управляюсь. Если хочешь знать, то я – кандидат сельскохозяйственных наук и бардака здесь не допущу.

Я смутился:

– Варвара Петровна, но позвольте: а что я такого сказал неприличного? Я только спросил: уж не кибуц ли здесь на острове находится? Кибуц – это форма израильского кооператива, лучше сказать, коммуны. Уж не коммуна ли на острове? Президент мне ничего не стал объяснять. Сказал – сам увидишь.

Варвара Петровна ошалело посмотрела на меня, а потом стала... хохотать. Хохотала долго, до слез. Затем утерла лицо платком и застенчиво посмотрела на меня:

– Ты уж извини меня, старую. Совсем отшибло память. Распустила здесь павлиний хвост, мол, кандидат наук, а простое слово забыла, хотя раньше его слышала. Но, согласись, твой «кибуц» по-русски звучит как-то... не очень прилично. Что-то матерное на язык просится.

Мы оба стали хохотать. Отсмеявшись, я спросил:

– Так здесь коммуна?

– Да, милый. Русская коммуна, – ответила Варвара Петровна, как мне показалось, с каким-то вызовом в голосе.

Загадочное поведение президента и его странный выбор «эксперта» сразу нашли простое объяснение. Похоже, глава капиталистической России, стремясь не привлекать внимания сво-

его окружения из числа «демократов», решил получить независимую оценку жизнеспособности некапиталистического анклава на русской земле. И эту оценку предстоит сделать мне.

Но как появился этот анклав? Я задал этот вопрос Варваре Петровне.

– Потом, потом, сначала накормлю тебя с дороги. Если, конечно, не сыт после президентских разносолов.

– Я был на борту его катера только полчаса. Поесть не предлагали.

– А как туда попал?

– Приплыл на весельной лодки из верхней станицы. Но это страшная тайна, – для наглядности я вытарашил глаза и повращал зрачками.

– Ну да, как в сказке про Буратино, – снова засмеялась Варвара Петровна.

Почему-то я был уверен, что от такой женщины не может быть никаких тайн ни у меня, ни у президента.

Ей, наверное, было уже далеко за пятьдесят. Но как многие деревенские женщины, не слишком обремененные физическим трудом (все же кандидат сельхознаук в прошлом), она выглядела лучше большинства городских дам на 10–15 лет моложе. Не слишком красивой в такие-то годы, но по-прежнему сексуально привлекательной. Тяжёлая грудь, рождающий всякие фривольные мысли зад. Живёт на природе, почти в сосновом бору, и быть хозяйкой крошечной гостиницы ей в охотку.

Варвара Петровна про свои прелести прекрасно знала. Потому что откровенно вертела задом возле газовой плиты в комнате, являвшейся в гостинице одновременно и столовой, и кухней. Я столь же откровенно её разглядывал.

– Что, нравится? – спросила она.

– Ваш борщ? – смутился я. – Я ещё не начал его есть, Варвара Петровна. Но запах чудесный.

– Какой борщ, милый? Борщ само собой. Ещё бы посмел сказать, что борщ тебе не понравился. А попа моя нравится?

Я выдохнул:

– Нравится, Варвара Петровна.

– Так и думала. Ну, тогда, значит, сегодня с ней и познакомишься.

Сказала, и словно в кипятик меня окунула.

Я растерянно забормотал:

– Что вы, Варвара Петровна. Мы ещё и не знаем друг друга толком.

– А мне тебя президент пообещал.

– Кто?!

– Президент. Когда он был у меня в гостинице, то стал расспрашивать: мол, как живешь, Варвара, замужем ли. Ну, я сдуру и пожаловалась, мол, разведенка, и где теперь кавалера искать, если в посёлке одна молодежь. А перед самым твоим приходом вдруг – звонок. Поднимаю трубку: батюшки, снова президент! Говорит, так и так, идёт к тебе человек от меня, человек хороший, книжки пишет и холостяк, в разводе. Ты с ним, мол, поласковее. Что, неужели соврал?

– Ничего он не врал, Варвара Петровна. Я на самом деле холостяк. Только вот...

– Что?!

– Никогда бы не подумал, что президент ещё на такое способен. Сводничать.

Мы уже в третий раз за полчаса стали хохотать. Чёрт побери, а как президент мог предположить, что эта женщина начнёт меня мучительно притягивать к себе с первой же минуты нашей встречи? И что я ей тоже понравлюсь? Наверное, у них, президентов, есть какие-то связи с астральным миром.

То, что эта женщина без всякого смущения предложила себя в любовницы или жены, меня ничуть не оттолкнуло от неё. И дело было вовсе не в том, что я соскучился по женской

ласке или находился под каким-то магическим воздействием общения с президентом. Глупости это. Президент, скорее всего, тут вообще ни причём. Но почему-то на острове я сразу почувствовал, что в моей жизни наступил коренной перелом. И хотя абсолютно ничего не знал о том, что увижу завтра, это ближайшее будущее мне представлялось лучезарно солнечным и будоражило. Наверное, моё возбужденное состояние сразу передалось и Варваре Петровне. Конечно, выглядит смешно, если женщина в возрасте мечтает об алых парусах и капитане Грее, но именно таким я и предстал перед ней, несмотря на свои шестьдесят пять лет и абсолютную несхожесть с молодым красавцем Лановым в фильме. Что поделать, любовь человеку нужна всегда.

Ещё через час я уже твёрдо знал, что, с лёгкой руки президента, нечаянно нашёл на острове своё семейное счастье и ни за какие коврижки меня никто в ближайшие полгода, после написания докладной записки, с острова не выманит, а если и выманит, то вместе с Варварой, Варечкой, как я её уже стал называть. Оказалось, что для этого даже не требуется вступать в местную коммуну. Гостиница состояла на балансе воинской части, Варваре нужен был помощник, и я бы с охотой выполнял обязанности садовника и огородника при гостинице. Постояльцев в ней было всегда немного, не более пяти человек, а готовка на кухне определялась лишь желанием хозяйки – всегда можно было принести все необходимое из коммуны – как продукты, так и готовые блюда. Между небольшой воинской частью и коммуной существовал странный симбиоз. Обе стороны нуждались друг в друге.

4

Я проснулся ещё затемно, наверное, около четырёх часов утра. Варвара мирно посапывала у меня на плече. Из соснового бора раздавались какие-то странные предрассветные шумы. То ухала сова, то трещала сорока, то долбил дерево дятел. После двух рюмок «конфискованной» водки очень хотелось выйти из дома и покурить на крылечке, но я боялся, что её разбужу, если встану. И стал вспоминать о событиях вчерашнего бурного дня. Мне казалось, что я забыл о чем-то важном, случившемся уже давно. О чем же? Я измучил себя воспоминаниями, но стариковская память (а кто же я еще, как ни старик, в мои 65 лет, хотя и нечаянный... молодёжь со вчерашнего дня?) отказывалась работать. Наконец, я не выдержал и выбрался из-под пухового одеяла Вариной кровати. Она, к счастью, не проснулась. И на крыльце, закурив, сразу вспомнил.

Батюшки мои, так вот почему именно меня выбрал президент! Безусловно, в досье, которое подготовили на мою персону президенту, лежала и эта давнишняя статья. Не случайно же в советское время шутники иногда расшифровывали КГБ так: Контора Глубокого Бурения. Нашли статью двадцатипятилетней давности! И президент её читал, хоть ни словом не обмолвился об этом...

Я её опубликовал в «Советской России» на самом финише чертовой горбачевской перестройки, закончившейся крахом страны. В статье шла речь об истории коммун в СССР. Их были сотни, тысячи по всей стране после революции. Коммуны самые разные. От самых маленьких, объединявших две-три семьи на каком-нибудь крохотном хуторе, до гигантских, потом выросших до крупнейших аграрных предприятий страны и даже заводов. (Достаточно вспомнить коммуну Макаренко, превратившуюся из колонии для молодых правонарушителей в завод, выпускавший знаменитый «ФЭД» – лучший фотоаппарат Союза).

Судьба русских коммун удивительна. Многие из них прошли через страшные лишения и голод, когда, впрягшись в соху, на себе пахали поля, делили три картофелины на всю коммуну, держали скот в той же избе, где спали сами. И выстояли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.